

Л. М. Надумович., Шевваль Гамзе Кая

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПИЩИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Традиции национальной кухни являются не только ярким знаком культуры той или иной эпохи, но и находят отражение в различных фактах языка, образуя особый фрагмент национальной языковой картины мира.

Объект нашего исследования – наименования пищи в русском языке.

Цель исследования – выявить национально-культурную специфику лексики, называющей блюда русской кухни.

Нами произведена выборка лексических единиц на материале Толкового словаря С. И. Ожегова. Всего отобрано свыше 70 наименований пищи. Кроме того, мы обращались к первому тому Словаря русской пищевой метафоры под редакцией Е. А. Юриной, в котором содержатся образные средства русского языка, называющие различные явления окружающего мира по

аналогии с продуктами питания и блюдами русской национальной кухни. Это метафоры, фразеологизмы, пословицы и поговорки, выражающие кулинарные образы.

При определении границ центра и периферии для лексико-семантической группы «Пища» вслед за И. А. Косенковой мы используем принцип частотности. Так, центр образован словами, которые чаще других возникают в сознании носителей языка при ассоциации со словом *пища*, и представлен следующими подгруппами: 1) общие наименования пищи, 2) изделия из муки, 3) первые блюда, 4) вторые блюда, 5) ритуальные кушанья, 6) напитки, 7) сладкие кушанья и т.д.

Периферия лексико-семантической группы «Пища» включает микрогруппы, входящие в состав каждого ядра. Так, в ядре «вторые блюда» можно выделить периферию, которую составляют следующие микрогруппы: 1) вторые блюда из картофеля; 2) вторые блюда и закуски из овощей и грибов; 3) вторые блюда из крупы; 4) вторые мясные блюда; 5) вторые молочные блюда; 6) вторые блюд из яиц. К центральным понятиям относятся общие названия пищи с нейтральной характеристикой, например, *варево* – ‘пища, которую варят’, *хлёбово* ‘любая жидкая горячая пища’. На периферии находятся однозначные слова, денотативно соотносящиеся с качеством пищи, например, *крутика* ‘крутая часть первых блюд’, *разбредуха* ‘кушанье, имеющее разваренную консистенцию’, а также слова с отрицательной коннотацией, например, *жратва*, *жрачка*. Периферию лексико-семантической группы также составляют слова, денотаты которых обозначают ингредиенты блюд, например, *косырка* ‘щука’; *миньтук* ‘голец’; *накваска* ‘старое тесто, опара’.

В данной статье на примере микрогруппы «вторые блюда из крупы» мы попытаемся показать, как через аналогию с образами еды русский язык выражает представления о разных сторонах жизни человека и как носители языка используют «пищевые» метафоры и другие иносказательные обороты речи.

Традиционное блюдо на каждый день русская каша символизировало благосостояние семьи. Каши как неотъемлемый ритуал свадебного стола подавались чаще всего к концу застолья. Подача каши на стол говорила гулевым (гостям, гуляющим на свадьбе), что пора и честь знать. Такая каша называлась разгонной, потому что считалась последним блюдом свадебного стола, и сам ритуал толковался как «разгон» гостей по домам. Е. А. Самоделова отмечает, что «каша являлась обрядовой едой на свадьбе, и это название блюда перешло в обозначение всего обряда».

Во многих говорах присутствует лексема *зубок*, связанная с родильным обрядом. Согласно принятому у русских обычаю, в рязанских деревнях и селах роженицу в первые дни после родов навещали женщины с приношениями. В Рязанском крае этот обычай чаще назывался «идти с зубком», «нести зубок», в Касимовском районе встречался термин «идти на кашу»

(Т. А. Листова 2001). *Положить на зубок* – значит, одарить роженицу, поднести ей подарок в виде различных кушаний, которые символизируют плодородие, изобилие, начало новой жизни.

Анализ данной лексико-семантической группы показал, что пища находит отражение в различных семейных обрядах и народно-православных праздниках. Многие кушанья благодаря их использованию в различных обрядах сохраняются до настоящего времени (*сыта, паска, кутьня, птички, жаворонки, каточки* и др.), однако некоторые из рассмотренных наименований в связи с социальными изменениями в жизни сельских жителей архаизировались (*голова, тройка, круг, кресты (хрестцы), лесенки, копытки, лапша свойская* и др.). Часть кушаний утратили свое прежнее назначение быть обрядовой пищей. Это *кравайцы, кисель, курники* и др. Наименования ритуальных блюд представляют собой как однословные (*помин, зубок, кони*), так и двусловные (*блины толстые, каша крупяная, каша разгонная*) единицы. Среди них можно выделить мотивированные слова (*крашенки, холодец, помин* и др.), образованные суффиксальным и безаффиксным способами. Многие наименования данной лексико-семантической группы образованы путем переноса значения по смежности (метонимии): *жаворонки, тройка, круг* и др.

В военное и послевоенное время нередко готовили блюда из мороженого картофеля, который собирали весной на колхозных полях. Изделия из мороженого картофеля пекли в трудные времена повсеместно. Название кушанья *лейтенанты*, безусловно, является отражением военного периода истории страны, неразрывно связанного с историей каждой семьи. Из мерзлой картошки пекли и другие лепешки, например, *шлеп-на-шлеп*. Процесс приготовления был довольно длительным, поскольку, чтобы получилась форма, необходимо было дать стечь крахмалу. Рассказы о приготовлении данного блюда сопровождалась показом, как это делалось, т.е. похлопыванием сложенными ладонями. Отсюда вполне понятная мотивация: образовано от глагола *шлепать*. Названные наименования блюд из мерзлого и тертого картофеля в настоящее время являются архаизмами. Как правило, их помнят и употребляют в речи те люди, чья жизнь и детство совпали с войной. По определению Т. С. Жбанковой, эти лексемы являются диалектными историзмами.

Примером некоторых языковых метафор являются такие лексические единицы: *каша* в значении ‘неразбериха, путаница’; *сливки* в значении ‘самая лучшая часть чего-л.’.

Примеры пословиц и поговорок: *знает кошка, чье мясо съела* ‘тот, кто совершил постыдный поступок, понимает свою вину’; *муж объелся груш* ‘муж не участвует в семейных делах, не имеет авторитета в семье’, *и рыбку съест, и косточкой не подавиться* ‘получить желаемое, избежав при этом негативных последствий’, *вашими бы устами да мед пить* ‘хорошо, если бы случилось так, как вы говорите’. Образное воплощение в языке пищевого кода русской культуры имеет важное значение как для изучения взаимодействия языка и культуры, так и для решения проблем, связанных

с изучением русского языка как родного и как иностранного, с практикой перевода, освоением стилистического ресурса и повышением риторической компетенции.

Таким, образом, национально-культурная специфика лексико-семантической группы наименований пищи представляет собой яркий фрагмент национальной культуры. В русской ментальности образные выражения с компонентом «еда» наиболее полно, точно и образно отражают своеобразие менталитета русского народа, особенности восприятия окружающего мира и материальной и духовной культуры.